



ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ГОСУДАРСТВА И ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА

INTERACTION BETWEEN THE STATE AND CIVIL SOCIETY

Ars Administrandi (Искусство управления). 2026. Т. 18, № 1. С. 64–82.

Ars Administrandi. 2026. Vol. 18, no. 1, pp. 64–82.



Эта работа © 2026 Руси́я Н. Т. и Левченко Д. О. распространяется под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 International. Чтобы посмотреть копию этой лицензии, посетите <https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

This work © 2026 by Rusiya, N. T. and Levchenko, D. O. is licensed under Creative Commons Attribution 4.0 International. To view a copy of this license, visit <https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Научная статья

УДК 323.21

<https://doi.org/10.17072/2218-9173-2026-1-64-82>

СТРАТЕГИИ АКТУАЛИЗАЦИИ ГРАЖДАНСКОЙ СОЛИДАРНОСТИ ЛОКАЛЬНЫХ СООБЩЕСТВ ЮГА РОССИИ

Натэ́ла Тенгизовна Руси́я¹✉, Даниил Олегович Левченко²

^{1,2} Кубанский государственный университет, Краснодар, Россия

¹ natarus2412@mail.ru✉, <https://orcid.org/0000-0001-5852-3574>

² levchenkodo@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6566-9176>

Аннотация. Введение: в условиях внешних вызовов и перемен, с которыми сталкивается сегодня Россия, у политико-управленческих элит актуализируется потребность в поиске эффективных способов интеграции граждан, жителей городских и сельских территорий, в конструктивные формы гражданского участия и укрепления взаимного доверия между властью и населением. Активация потенциала и ресурсных возможностей локальных сообществ в условиях социально-экономической и социокультурной неоднородности регионов России представляется возможной при наличии ценностей солидарности, основанных на сформированной локальной идентичности. **Цель:** выделить и охарактеризовать действующие стратегии актуализации гражданской солидарности на локальном уровне (на примере регионов Южного федерального округа). **Методы:** экспертный опрос, в котором информантами выступили представители академического сообщества, имеющие научные работы о субъектах и технологиях, формирующих солидарности на различных территориях, лидеры общественных инициатив и руководители общественных организаций, представители исполнительных и законодательных органов государственной власти

субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления (N = 45); онлайн-анкетирование жителей городских и сельских территорий (N = 969); дескриптивный анализ статистических и аналитических открытых данных. **Результаты:** на основе анализа качественных и количественных данных, собранных в ходе полевых исследований в трех южных регионах – Краснодарском крае, Республике Адыгея и Республике Крым, авторами были оценены шесть стратегий актуализации гражданской солидарности по двум ключевым критериям: субъекты, формирующие основания для солидарности (власть или граждане), и уровни повестки (федеральный, региональный, локальный). Характеристики выделенных стратегий включают набор институциональных механизмов, позволяющих местным сообществам в практиках взаимодействия с органами власти различного уровня создавать, воспроизводить и использовать разнообразные ресурсы гражданской солидарности. **Выводы:** типичными в практиках кооперации и взаимодействия жителей городских и сельских территорий признаны рутинная и ситуационная солидарности. Среди стратегий актуализации гражданской солидарности в разрезе институционализации и закрепления ценностей успешной признана стратегия «Сила места», основанная на низовой активности и соответствующая целям и интересам территориального развития.

Ключевые слова: гражданская солидарность, гражданская идентичность, политика идентичности, формы гражданской солидарности, стратегии гражданской солидарности

Благодарности: исследование выполнено в рамках государственного задания Кубанского государственного университета № FZEN-2023-0010 «Стратегии и технологии актуализации гражданской солидарности на локальном уровне (на примере субъектов Южного федерального округа)».

Для цитирования: Русия Н. Т., Левченко Д. О. Стратегии актуализации гражданской солидарности локальных сообществ Юга России // *Ars Administrandi* (Искусство управления). 2026. Т. 18, № 1. С. 64–82. <https://doi.org/10.17072/2218-9173-2026-1-64-82>.

Original article

STRATEGIES FOR ENHANCING CIVIL SOLIDARITY OF LOCAL COMMUNITIES IN SOUTHERN RUSSIA

Natella T. Rusiya¹✉, Daniil O. Levchenko²

^{1,2} Kuban State University, Krasnodar, Russia

¹ natarus2412@mail.ru✉, <https://orcid.org/0000-0001-5852-3574>

² levchenkodo@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6566-9176>

Abstract. Introduction: in the current context of external challenges and changes faced by Russia, the political and managerial elites are increasingly confronted with the need to find effective ways to integrate citizens, residents of urban and rural areas, into constructive forms of civic participation and to strengthen mutual trust between the authorities and the population. Activating the potential and resource capabilities of local communities in the context of the heterogeneity of the socio-economic and socio-cultural spaces of Russia's regions seems possible when there are values of solidarity based on a developed local identity. **Objectives:** to highlight and characterize the existing strategies for activating civic solidarity at the local level (using the example of the Southern Federal District regions). **Methods:** an expert survey in which the informants included representatives of the academic community with research on actors and technologies that shape solidarity in various territories, leaders of public initiatives, heads of non-governmental organizations, representatives of Russian

executive and legislative authorities, and local government bodies (N = 45); online questionnaire of residents of urban and rural areas (N = 969); descriptive analysis of statistical and analytical open data. **Results:** authors described six strategies for updating civic solidarity based on two key criteria: the actors that form the basis for solidarity (authorities or citizens) and the levels of the agenda (federal, regional, local). Qualitative and quantitative data were collected during a field study in three southern regions (Krasnodar Krai, the Republic of Adygea and the Republic of Crimea). The characteristics of the identified strategies include a set of institutional mechanisms that allow local communities to create, reproduce and use various resources of civic solidarity in the practices of interaction with authorities at various levels. **Conclusions:** routine and situational solidarity are recognized as typical in practices of cooperation and interaction between residents of urban and rural areas. Among the strategies for enhancing civic solidarity in the context of institutionalization and securing values, the “Strength of Place” strategy has been identified as successful, being based on grassroots activism and consistent with the goals and interests of territorial development.

Keywords: civil solidarity, civic identity, identity politics, forms of civil solidarity, strategies of civil solidarity

Acknowledgements: the research was supported by the government fund of the Kuban State University no. FZEN2023-0010 “Strategies and technologies for updating civil solidarity at the local level (on the example of the Southern Federal District’s regions)”.

For citation: Rusiya, N. T. and Levchenko, D. O. (2026), “Strategies for enhancing civil solidarity of local communities in Southern Russia”, *Ars Administrandi*, vol. 18, no. 1, pp. 64–82, <https://doi.org/10.17072/2218-9173-2026-1-64-82>.

ВВЕДЕНИЕ

Современные вызовы, стоящие перед российским обществом, актуализируют запрос на поиск эффективных механизмов совместной работы гражданского общества и органов власти. Мобилизация локальных сообществ в контексте политики развития представляется возможной лишь в условиях солидаризации граждан России. Гражданская солидарность выступает значимым ресурсом социально-политического взаимодействия, помогающим устранению факторов дезинтеграции в сфере общественной безопасности.

Состояние патриотизма является важным показателем сплоченности общества. Несмотря на то, что подавляющее большинство россиян идентифицируют себя как патриотов (91 % населения), наблюдается дефицит социально активных инициатив¹. Различия в ценностях и поведенческих установках способствуют расколу в обществе, а также отражают слабую вовлеченность в коллективные действия среди жителей сел и малых городов. Это, в свою очередь, снижает возможности для мобилизации локальных ресурсов в условиях кризиса. По данным социологических замеров, в России заявлений о готовности поддерживать людей, затронутых специальной военной операцией

¹ *Патриотизм: мониторинг* [Электронный ресурс] // ВЦИОМ Новости. 2023. 11 апр. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/patriotizm-monitoring> (дата обращения: 01.04.2025).

(СВО), больше, чем реальных практик поддержки. Так, 79 % граждан выразили готовность помогать жителям новых территорий и военнослужащим, 74 % – мобилизованным, 72 % – беженцам, однако фактически оказывали помощь значительно меньше людей: 55, 36 и 21 % соответственно².

Актуальность темы солидарности подтверждается в риторике федеральных институтов гражданского общества. В докладе Общественной палаты Российской Федерации о состоянии гражданского общества в 2024 году первым и ключевым стал вопрос солидарности и сплоченности граждан. В докладе подчеркивается «трансформация общественно-государственного диалога в сторону устойчивого доверительного партнерства», а деятельность общественных институтов выступает основой единения граждан в рамках реализации гуманитарных инициатив, «формирования и укрепления единого морального духа»³.

Эвристический потенциал концепта гражданской солидарности не исчерпан. В современном научном дискурсе его актуализация связана с изучением консолидации и мобилизации ресурсов для реакции на кризисные процессы (Семененко, 2020; Сердюков, 2018, 2022; Lahusen et al., 2021) и преодоления фрагментации общества (Smith, 2011; Banting and Kymlicka, 2017). Дефицит научного знания существует в изучении гражданских и государственных стратегий по актуализации солидарности для решения задач ответственного развития, организации межсекторного партнерства и широкой консолидации общества за пределами гражданского сектора.

Цель статьи – выявить и охарактеризовать действующие стратегии актуализации гражданской солидарности на локальном уровне (на примере регионов Южного федерального округа).

Для политико-управленческой сферы значимость настоящего исследования выражается в необходимости описания действующих стратегий и технологических форматов солидаризации локальных сообществ.

МЕТОДОЛОГИЯ (ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ) ИССЛЕДОВАНИЯ

Комплексность исследуемого предмета требует нескольких методологических подходов. Для изучения отдельных компонентов структуры гражданской идентичности был использован структуралистско-конструктивистский подход (Бурдые, 1993; Бергер и Лукман, 1995; Андерсон, 2016). Обращение к аналитическому инструментарию исследования гражданского участия Ю. В. Ухановой позволило теоретически охарактеризовать деятельностный компонент гражданской идентичности (реализацию гражданской позиции), который учитывает вовлеченность населения в решение социально значимых задач при кооперации с властью (вертикальное взаимодействие) и в про-

² *Специальная военная операция: год спустя* [Электронный ресурс] // ВЦИОМ Новости. 2023. 20 февр. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/specialnaja-voennaja-operacija-god-spustja> (дата обращения: 01.04.2025).

³ *Доклад о состоянии гражданского общества в Российской Федерации 2023* [Электронный ресурс] // Офф. сайт Обществ. палаты Рос. Федерации. URL: <https://report2023.oprf.ru/ru/solidarity-cohesion.html#support-participants-veterans-sbos-family-members> (дата обращения: 01.04.2025).

странстве повседневности (горизонтальное взаимодействие) (Уханова, 2021). Для анализа факторов развития гражданской солидарности – социальных отношений, норм, неформальных сетей, доверия и др. – была применена концепция социального капитала (Portes, 1998; Fukuyama, 2021; Ericas-Ocampo et al., 2025); для осмысления и эмпирической верификации символического измерения гражданской солидарности – теория социального обмена (Ahmad et al., 2023). Важными представляются положения, отраженные в работах Ю. Хабермаса, который подчеркивает политический характер солидарности (Habermas, 2023).

В своем исследовании мы также опирались на теоретические разработки Л. И. Никовской о новой многосубъектной модели формирования гражданской идентичности с участием институтов гражданского общества, частных и локальных акторов публичной политики при утрате монополии государства (Никовская, 2022).

Неоинституциональный подход позволил рассматривать практики гражданской солидарности, потенциальные и реальные, в институциональной среде политики развития локальных территорий (Simon, 1997; Норт, 1997). Для исследования роли формальных и неформальных коммуникаций как в онлайн-, так и в офлайн-пространстве на локальном уровне, в том числе и для оценки воздействия субъектов публичного управления на коммуникативные практики гражданской солидарности, применялись методологические принципы сетевого подхода. Действующие стратегии актуализации гражданской солидарности субъектами публичного управления оценивались с использованием содержательных и технологических параметров сетевого менеджмента (Сморгунов, 2025; Мирошниченко и Морозова, 2017), нацеленного на организацию сетевого сотрудничества разнообразных акторов публичной политики для решения общественно значимых проблем и достижения общих целей, в том числе консолидации общества.

При подготовке настоящей статьи мы, кроме того, опирались на позицию Ю. А. Красина, согласно которому «гражданская солидарность – это глубинная основа самого понятия гражданства как сопричастности всех членов общества общенациональным целям и государственной публичной политике» (Красин, 2006, с. 33). Такая сопричастность выражается в деятельностных форматах, которые, по теории коллективного действия Ч. Тилли, отличаются способами групповой организации, доступными возможностями и ограничениями внешней среды, активируемыми ресурсами (Тилли, 2019). Практики гражданской солидарности основываются на общепризнанных в масштабе страны правах, возможностях и обязанностях, составляющих основу политико-правовой связи государства и гражданина.

Наконец, мы ориентировались на работы исследовательской группы Кубанского государственного университета. В частности, И. В. Мирошниченко и ее коллеги осмысливают солидарность как нематериальный ресурс развития территориальных сообществ России (Мирошниченко, 2023; Мирошниченко и др., 2025), представляющий собой компонент и условие для выработки и реализации политики ответственного развития, которое предполагает «наращивание и приоритетное использование в качестве источников разви-

тия интеллектуальных, возобновляемых ресурсов и опору на нематериальные стимулы жизнедеятельности человека» (Семененко, 2019, с. 15). Гражданская солидарность особенно востребована в сложных, фрагментированных обществах на национальном / региональном / локальном уровнях, которые испытывают кризисные процессы, воздействие экзо- и эндогенных факторов нестабильности и диссоциации (миграция, социально-экономическое неравенство, напряженная военно-политическая и гуманитарная обстановка).

При проведении эмпирического исследования был использован комплекс качественных и количественных методов: экспертный опрос, онлайн-анкетирование, а также дескриптивный анализ статистических и аналитических открытых данных. Метод экспертного опроса предполагал интервьюирование 45 экспертов (по 15 из каждого выбранного региона Южного федерального округа – Краснодарского края, Республики Адыгея и Республики Крым), где информантами выступили представители академического сообщества, имеющие научные работы о субъектах и технологиях, формирующих солидарности на различных территориях, лидеры общественных инициатив и руководители общественных организаций, представители исполнительных и законодательных органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления. Данный метод нацелен на выявление структурных компонентов гражданской солидарности и их содержательную характеристику, а также определение специфики актуализации гражданской солидарности на конкретных территориях. Результаты онлайн-анкетирования, представленные ответами респондентов – жителей городских и сельских территорий (N = 969), позволили количественно измерить факторы, основания актуализации гражданской солидарности на локальном уровне. Дескриптивный анализ статистических и аналитических открытых данных дал возможность охарактеризовать гражданскую солидарность на уровне институциональных практик и практик повседневности.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Усложнение общественного устройства затрудняет описание происходящих в нем социально-политических процессов и форматов взаимодействия между отдельными субъектами института солидарности. Для определения ключевых параметров, характеризующих стратегии актуализации гражданской солидарности, нами были выделены и описаны три формы гражданской солидарности, которые свойственны локальным сообществам регионов Юга России на основании различных ценностно-мотивационных компонентов:

1) рутинная гражданская солидарность. Характерна для типичных практик в однородных сообществах (пожертвование в религиозной общине на благоустройство территории храма, ежеквартальный субботник у членов территориального общественного самоуправления, сбор денег в трудовом коллективе для поддержки коллег, оказавшихся в трудной жизненной ситуации). Актуализируется в качестве повседневных, периодически воспроизводимых ритуалов и основывается на коллективном давлении и социально одобряемом поведении;

2) **ситуационная гражданская солидарность.** Возникает в условиях внешних вызовов. Гражданская самоорганизация в период кризиса носит проблемно ориентированный характер (помощь беженцам из зоны боевых действий, доставка продуктов первой необходимости маломобильным гражданам в пандемию коронавируса). Вызовы, связанные с началом пандемии коронавируса и СВО, обнажили дефицит межличностного доверия (и доверия к власти) и продемонстрировали слабо выстроенные каналы коммуникации, недостаточные для оперативного решения проблем на локальном уровне. Именно низовые практики гражданской солидарности временно заполнили пустоты, образовавшиеся в ситуации глобальной неопределенности. Ситуационная гражданская солидарность может выстраиваться на совместном неприятии и отрицании и приобретать характер негативной (например, объединение жителей против строительства мусорного полигона рядом с местом их проживания). Страхи и отсутствие доверия в обществе провоцируют мобилизацию граждан и формируют основу для солидарности. То есть негативная повестка имеет мощный консолидирующий потенциал, выступая фактором разделения местного сообщества;

3) **ценностно-ориентированная солидарность.** Характерна для сообществ с высокой плотностью сетевых взаимодействий, сходным набором ценностей и сформированной позитивной локальной идентичностью, которая выражается в вовлеченности различных субъектов в развитие территории и системности мероприятий, связанных со стратегическими приоритетами. *«Если ты не чувствуешь себя членом какой-то локальной группы и не испытываешь ответственности перед этой группой, то вряд ли ты в масштабах страны сможешь характеризоваться всеми этими вещами»*, – заметил лидер общественных инициатив из Республики Адыгея⁴. Данная форма солидарности, встраиваемая в контекст общей нормативно-ценностной среды, поддерживает социально-политическую активность местного сообщества (консолидация усилий разных групп граждан для подачи заявки на грантовый конкурс в области благоустройства территории, объединение равнодушных жителей для победы в конкурсе на звание лучшего органа территориального самоуправления).

Представления о формах гражданской солидарности стали для нас отправной точкой при описании стратегий актуализации гражданской солидарности.

На основе анализа результатов, собранных в ходе полевого исследования, были определены два ключевых критерия, которые характеризуют местную стратегию гражданской солидарности: субъекты, формирующие основания для солидарности (власть или граждане), и уровни повестки (федеральный, региональный, локальный). На пересечении сформированной системы координат мы выделили шесть стратегий гражданской солидарности на локальном уровне (табл. 1).

⁴ *Интервью Э6 – Республика Адыгея, г. Майкоп, 15.01.2024 // Из лич. арх. авт.*

Стратегии актуализации гражданской солидарности локальных сообществ /
Strategies for enhancing civic solidarity in local communities

Уровень повестки	Субъект актуализации	
	Инициатива снизу	Инициатива сверху
Федеральный	«Потенциал Отечества»	«Доверие»
Региональный	«Сеть действия»	«Векторы развития»
Локальный	«Сила места»	«Общий дом»

Источник: таблицы 1 и 2 составлены авторами.

Характеристика выделенных стратегий включает набор институциональных механизмов, позволяющих местным сообществам в практиках взаимодействия с органами власти разного уровня создавать, воспроизводить и использовать разнообразные ресурсы гражданской солидарности. Рассмотрение форм и способов актуализации гражданской солидарности различных субъектов на локальном уровне демонстрирует тесную взаимосвязь с феноменом локальной идентичности. Выбранные авторами «полюсы» активации, координации и укрепления гражданского партнерства подчеркивают, что спектр субъектов солидарности выходит за пределы низового уровня, подразумевает отличный от конфликтологического (состязательного) характер взаимодействия гражданского общества и государства (Тилли, 2019; Targow, 2022). В академической среде и политико-управленческой практике востребованы кооперативные концепции и модели политики развития общества (Семененко, 2019; Бардин и Сигачев, 2019).

Стратегия формирования солидарности федеральными субъектами названа нами «*Доверие*», так как направлена прежде всего на создание «общества взаимного доверия» среди граждан России, которые способны к самоорганизации и принятию на себя ответственности за будущее своей территории. В масштабах такого макросообщества, как страна, граждане консолидируются на основе универсальных позитивных представлений о «своих», их социально-преобразовательном потенциале в результате восприятия убедительных нарративов и мы-образов, создаваемых субъектами политики идентичности. В стратегии федеральными субъектами используется набор уникальных механизмов и ресурсов. Так, институты публичного управления интегрируют идеологические механизмы, которые реализуются через систему образования, молодежную политику и СМИ / социальные медиа. Например, в последние годы активизирована работа по патриотическому воспитанию молодежи, базирующаяся на идеях и ценностях консолидации. Первостепенная роль в этой деятельности отведена органам государственной молодежной политики, которые, обладая материально-финансовыми, информационными и организационно-управленческими ресурсами, обеспечивают работу с молодежью на всех уровнях. Это демонстрируется позитивным откликом и высоким уровнем вовлеченности молодежи страны в такие мероприятия и проекты, как всероссийская акция «Вахта памяти», национальная премия

«Патриот», проект «Без срока давности», организатором которых выступает Российский центр гражданского и патриотического воспитания детей и молодежи.

Федеральные институты прилагают усилия для создания и поддержки механизмов-медиаторов, где гражданские ассоциации, бизнес, самостоятельные инициативные граждане институционализируют партнерство, включаются в сети сотрудничества и расширяют свой социальный капитал (платформа «Добро.РФ», площадки АНО «Россия – страна возможностей», круглогодичные центры развития молодежного гражданского лидерства – мастерская управления «Сенеж» или арт-резиденция «Таврида», форумы межсекторного взаимодействия и др.). Помимо этого, государство предлагает материальные и нематериальные стимулы для субъектов с низким уровнем «капитализации», широкими сетевыми проектами или для тех, кто из-за отсутствия опыта и необходимых знаний/компетенций «стоит в дверях» – не решается проявить свою гражданственность (Якобсон, 2014). «Росмолодежь.Гранты», Фонд президентских грантов, Президентский фонд культурных инициатив и другие общероссийские институты развития создают условия для коллективного гражданского действия: финансируют проекты, развивают проектные знания и компетенции, тиражируют эффективные практики как образцовые, задают траектории для солидаризации через тематику проектов, назначение специальных конкурсов и др. Разработанные федеральными субъектами механизмы проецируются на нижестоящие уровни публичного управления в форме региональных / локальных институтов развития. Государство создает позитивный образ вокруг гражданских инициатив через системы национальных премий и результаты конкурсных мероприятий (например, топ-100 проектов Фонда президентских грантов, Международная премия #МЫВМЕСТЕ), а федеральные министерства, ведомства и подведомственные организации запечатлевают успешный опыт в цифровых витринах, например в сборниках лучших практик или на платформах с информацией о поддержанных / реализованных инициативах, их эффектах.

Стратегия с выраженной инициативой власти регионального уровня **«Векторы развития»** отображает видение субъекта Российской Федерации в пространстве инновационной конкурентной среды, которая выделяет его среди остальных. Здесь в большей степени проявляются имиджевые механизмы, способствующие формированию бренда региона. Так, на краевых фестивалях, проводимых на территории выставочного комплекса «Атамань» в Краснодарском крае, присутствуют делегации всех муниципальных районов (творческие коллективы, работники администраций, образовательных и культурных учреждений), которые обеспечивают масштабное функционирование мероприятий: тематическое оформление закреплённых подворий, организацию выставок изделий народных промыслов, выступления творческих коллективов. В дни проведения фестивалей пространство комплекса объединяет активных жителей края, что делает «Атамань» знаковым и посещаемым местом для туристов.

Государственные институты регионов Юга России в условиях управления сложным обществом, развертывания кризисов берут на себя координи-

рующую роль по дистрибуции гражданских ресурсов в пользу нуждающихся. В изучаемых субъектах Российской Федерации все шире применяется механизм конкурсного финансирования проблемно ориентированных социальных инициатив (грантооператоры – «Гранты Губернатора Кубани», «Регион 93», Государственный комитет молодежной политики Республики Крым, АНО «Оператор грантов по развитию гражданского общества» Республики Адыгея), организуются точки сбора гуманитарной помощи, волонтерства и добровольчества в сложных ситуациях (ликвидация последствий наводнений в городах Крымске (2011) и Сочи (2019) Краснодарского края и последствий разлива нефтепродуктов в Черном море, привлечение студентов-медиков к работе в «красных зонах» в период пандемии COVID-19) и в повседневности (работа станций переливания крови). Несмотря на расширение форматов партнерства и взаимодействия, существенным барьером в реализации солидарных практик и технологий на региональном уровне остается рассогласованность действий ключевых субъектов, обладающих кадровыми и концептуальными ресурсами. Вот как описал сложившуюся ситуацию один из интервьюируемых – руководитель структурного подразделения органа исполнительной власти: *«Есть относительно свободная часть общества – это некоммерческий сектор, обычные люди, ЛОМы и так далее, но они не объединены институционально вообще ничем. Никаких каналов, площадок, практик. Мы даже думали проводить здесь гражданский форум. Нам надо всех таких людей вместе соединять. Потому что у нас каждый крутится сам по себе, каждый себе феерит, очень часто какие-то проекты дублируются в разных ведомствах»*⁵.

Инициативы региональных органов государственной власти продолжают федеральную траекторию развития гражданственности россиян. Опыт субъектов Российской Федерации включает набор типичных механизмов и инструментов, предполагает конструирование единой национальной идентичности, консолидацию для достижения стратегически значимых целей. Так, регионы Юга России создают дополнительные программы материального стимулирования и социальной защиты для привлечения граждан к службе в зоне СВО, поддерживают акты национальной коммеморации («Свеча памяти» в школах, акция «Бессмертный полк»). В результате стратегия «Векторы развития» позволяет региональным субъектам встраиваться в общероссийский контекст, формировать опору для укрепления связи государства и гражданина и, однако уже в меньшей степени, создавать устойчивые институты, воспроизводящие и масштабирующие в регионе уникальные позитивные практики солидарности: *«...Существующие институты в регионе не способствуют формированию широкой солидарности, то есть очень сильно огосударствлено политическое пространство. <...> Есть примеры гражданской солидарности, например, связанные с благотворительностью, с гуманитарной помощью... Это показывает, что хотя инициативы есть, но их масштаб ограничен, то есть в основном это отдельные люди, небольшие группы активистов, которые сами хотят что-то сделать, но это не массовое движение»*⁶.

⁵ Интервью Э7 – Краснодарский край, г. Краснодар, 03.12.2023 // Из лич. арх. авт.

⁶ Интервью Э6 – Краснодарский край, г. Краснодар, 15.12.2023 // Там же.

Стратегия «*Общий дом*» определяется локальной повесткой, которая формируется преимущественно органами местного самоуправления. На территориях, где получает распространение модель ответственного развития с опорой на легитимное политическое лидерство главы муниципального образования и его команды и существует институциональное доверие жителей, стратегия видоизменяется, и образуется гибридное со стратегией «Сила места» состояние. Типичной же является ситуация эксклюзивной локальной идентичности, при которой отдельные группы жителей (предпринимательское сообщество, группы активистов, недавно приехавшие жители) выключены из активной созидательной деятельности на благо территории или работают автономно, решая собственные задачи. Не связанные общими интересами и целями жители не представляют собой единое сообщество, готовое к включению в проекты развития территории. Результирующим итогом данной стратегии является низкий уровень гражданской солидарности и доверия к местной власти.

Стратегии, в которых основания для солидаризации формируются сверху, являются дефицитными с точки зрения воспроизводства концептуальных и кадровых ресурсов. Под концептуальными ресурсами понимается, с одной стороны, осознание возможностей локального сообщества и использование общих ценностей в гражданских практиках для развития территории, с другой – фиксация в документах на разных уровнях принципов взаимной ответственности и социальной поддержки. Так, например, в Белгородской области до 2022 года действовала стратегия по формированию регионального солидарного общества⁷, в которой главам администраций муниципальных районов и городских округов рекомендовалось внедрить аналогичные стратегии на местах. В документе были обозначены проблемы отчужденности жителей региона, социальное дезертирство и безразличие, нарастание нетерпимости в обществе и высокий уровень недоверия к власти. Ограничения стратегий, в которых инициативными субъектами выступают представители власти («Доверие», «Векторы развития», «Общий дом»), неоднократно подчеркивали эксперты из изучаемых регионов: «...Чтобы они делали сами интересные мероприятия, и все-таки мы должны прийти к тому, что эти мероприятия должны не сверху кем-то быть спущены, они должны идти снизу»⁸; «...Для меня это исключительно инициативы снизу, которые... способны объединить людей к любому общему делу»⁹; «У нас большое количество проблем идет сверху вниз, но для того, чтобы органу власти сформировать определенный пул проблем, ему в любом случае нужен транзит информации снизу вверх. Дальше с этим объемом проблематики орган власти может работать. Здесь это взаимодействие не может быть односторонним»¹⁰.

⁷ Об утверждении стратегии «Формирование регионального солидарного общества» на 2011–2025 годы [Электронный ресурс]: Постановление Правительства Белгород, обл. от 24.11.2011 № 435-пп. Документ утратил силу. URL: <https://docs.cntd.ru/document/469027022> (дата обращения: 04.04.2025).

⁸ Интервью Э11 – Краснодарский край, г. Лабинск, 16.11.2023 // Из лич. арх. авт.

⁹ Интервью Э7 – Республика Адыгея, г. Майкоп, 10.12.2023 // Там же.

¹⁰ Интервью Э8 – Краснодарский край, г. Краснодар, 20.01.2024 // Там же.

Все описанные выше стратегии, где субъекты, формирующие основания для солидарности, представлены государственными институтами, должны основываться на развитии осознанного включения в солидарные практики (через принцип открытости, используя новые инструменты мониторинга и инструменты участия), что позволит исключить формирование негативной и протестной идентичности. *«Приведу такой пример, – отметил лидер общественной организации. – Мы едем в машине по городу Майкопу и увидели там некую яму посередине. Значит, какой механизм всего этого разрешения есть: мы имеем возможность зайти на сайт городской администрации или на телеграм-канал, сфотографировать / снять видео и сказать, что “ребята, а у вас там яма образовалась, люди могут там ноги поломать и автомобили могут в аварию попасть”.* <...> Они дают возможность людям почувствовать свою важность, нужность, необходимость... Когда вот эти все вещи закрываются и власть поворачивается спиной, ну, соответственно, растет напряжение и появляется уже скрытая солидарность. То есть люди уже начинают группироваться как оппозиция»¹¹.

Общественный запрос на солидарность в условиях современных вызовов отражен в стратегии *«Потенциал Отечества»*, когда одновременно на местах гражданами осознается необходимость их мобилизации для решения проблем государства. Способность гражданского общества оперативно мобилизовать ресурсы проявилась с началом специальной военной операции на территории Украины. В экспертном сообществе отмечали активность и инициативность жителей на местах в организации помощи участникам СВО: *«Есть примеры гражданской солидарности... связанные с благотворительностью, с гуманитарной помощью. Вот сейчас в условиях СВО есть проект, ну, не проект, скажем, инициативы отдельных людей, не зависящих от государства, которые по своей воле объединяются и работают»*¹²; *«Сейчас это, пожалуй, помощь нашей армии, забота о семьях, о тех, кто находится в зоне СВО»*¹³. Стратегия *«Потенциал Отечества»* актуализирует ситуационную гражданскую солидарность, практики носят проблемно ориентированный характер, уникальны, их сложно тиражировать.

Серьезным вызовом для регионов Юга России является фрагментация социокультурного пространства и разрушение общественных связей. Стратегия *«Сеть действия»* отражает использование сетевых форм самоорганизации для выстраивания сообщества, интегрированного в процесс социально-экономического развития территории и / или региона. В рамках исследования экспертами были отмечены институциональные барьеры в реализации данной стратегии: *«А вот именно объединения граждан, такого широкого, на основе общих ценностей, я не вижу, и, честно говоря, существующие институты в регионе не способствуют формированию широкой солидарности, то есть очень сильно “огосударствлено” политическое пространство, замкнуто, региональные структуры, в первую очередь исполнительной власти, и гражданские инициативы, в общем-то, как правило, не совсем гражданские на самом*

¹¹ Интервью Э5 – Республика Адыгея, г. Майкоп, 18.11.2023 // Из лич. арх. авт.

¹² Интервью Э6 – Краснодарский край...

¹³ Интервью Э2 – Республика Крым, г. Керчь, 23.12.2023 // Там же.

деле»¹⁴. Стратегия «Сеть действия» как технологический проект, направленный на преобразование социально-политической реальности, требует реализации через применение сетевых механизмов, призванных усилить каналы коммуникации между локальными сообществами и региональной властью.

Самой приближенной к низовому уровню пространственно-территориальной дифференциации стратегией, в которой инициатором формирования солидаризма выступает гражданское общество, нам представляется «Сила места». Ситуационно-кризисные явления остаются ведущим фактором гражданской самоорганизации локального сообщества, поэтому солидарность имеет проблемно ориентированный характер. В ответе на вопрос «Что объединяет сейчас или может стать объединяющей основой для жителей Вашего населенного пункта (района), может сплотить?» первичным для респондентов Краснодарского края и Республики Адыгея оказались «общие для всех жителей населенного пункта проблемы и задачи» (83,9 и 85,6 % соответственно), Республики Крым – «исторические и культурные объекты на территории Вашего населенного пункта (района), которые всем известны» (табл. 2).

В большей степени стратегия «Сила места» ориентирована на деятельностные механизмы: акты соседской взаимопомощи, участие граждан в добровольных дружинах и субботниках и др. В данной стратегии важным субъектом гражданской солидарности выступают неформальные объединения: «...Если мы говорим о такой помощи Донбассу, что я видел, людей, которых хорошо знаю, они ни в какие организации для этого не входили. Это просто на уровне неформальных объединений, когда люди давно друг друга знают, доверяют, объединяются для совместного действия. Кто-то из них медик, допустим, кто-то умеет вести переговоры или знает кого-то из всех, кто оказался во главе, то же самое ДНР, а кто-то смог какие-то средства выделить на закупку медикаментов или самых простых продуктов. Вот такая активность»¹⁵.

В условиях, когда на локальном уровне не сформирована локальная идентичность или она фрагментарна (в сообществе выражены разделения по ряду оснований: местные жители – приезжие, местная власть – бизнес), стратегия «Сила места» не является рабочей. В таких сообществах социальный капитал не конвертируется в деятельные солидарные форматы и институциональные практики, направленные на развитие. Ограничивает потенциал гражданского партнерства фактор социально-психологического благополучия, вынуждающий гражданина ради удовлетворения индивидуальных потребностей обособиться от проектов развития и взаимопомощи сообщества: «недостаток времени, сил, занятость более важными делами, работой, семьей» определены жителями трех регионов Юга России как ключевое препятствие для гражданской активности в населенном пункте (Краснодарский край – 81,17 %, Республика Адыгея – 74,2 %, Республика Крым – 71,3 %) (Левченко и Филиппов, 2024, с. 75). Наоборот, территории, функционирующие в рамках модели ответственного развития, где нематериальные ресурсы активны, разнообразны

¹⁴ Интервью Э6 – Краснодарский край...

¹⁵ Интервью Э1 – Республика Крым, г. Симферополь, 14.11.2023 // Из лич. арх. авт.

Таблица 2 / Table 2

Ответы жителей городских и сельских территорий Юга России на вопрос «Что объединяет сейчас или может стать объединяющей основой для жителей Вашего населенного пункта (района), может сплотить?» (в %) / Response from Southern Russia rural and urban residents to the question: “What unites now or can become a unifying basis for the residents of your town (area), can bring together?”, %

Основания для консолидации (наиболее популярные)	Субъект Южного федерального округа		
	Краснодар- ский край	Республика Адыгея	Республика Крым
Общие для всех жителей населенно- го пункта проблемы и задачи	83,91	85,64	80,45
Исторические и культурные объ- екты на территории Вашего населен- ного пункта (района), которые всем известны	81,17	81,19	89,09
Общие публичные пространства на территории Вашего населенного пункта (района), где собираются вместе жители и проводят меро- приятия, свободное время	81,72	84,65	77,73
История Вашего населенного пун- кта (района)	81,90	83,66	80,00
Память о знаменитых людях, геро- ях – уроженцах Вашего населенного пункта (района)	80,80	85,15	80,45

и многочисленны (лидерский и человеческий потенциал, институциональ-
ное доверие, социальный капитал), характеризуются высоким потенциалом
партнерства и гражданского консоциативного действия на благо сообщества.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, по итогам эмпирического исследования нами были опи-
саны и оценены формы и действующие стратегии актуализации гражданской
солидарности на локальном уровне (на примере трех регионов Южного феде-
рального округа).

В локальных городских и сельских сообществах актуализируются три
формы гражданской солидарности, имеющие разные ценностные и мотива-
ционные основания. В рассмотренных нами регионах наиболее распростра-
нены рутинная солидарность и ситуационная, в то время как ценностно-
ориентированная солидарность, для которой характерны вовлеченность
жителей в развитие территории и системная реализация стратегических ини-
циатив, встречается значительно реже.

Среди выделенных стратегий успешной с точки зрения закрепления цен-
ностей и институциональных механизмов, позволяющих воспроизводить
практики солидарности, является «Сила места». Интеграцию стратегии «Сеть

действия» затрудняют значительные институциональные барьеры. Сети некоммерческих организаций, которые в настоящее время обладают кадровыми и сетевыми ресурсами, а также осваивают механизмы грантовой поддержки для наращивания материально-финансовых ресурсов, могли бы составить основу для эффективной организации межсекторного партнерства и формирования активной субъектной позиции граждан южных регионов. Следует подчеркнуть, что формирование ценностей – длительный процесс и понимание на локальном уровне значимости ресурсов гражданской солидарности является важным шагом для создания и поддержания местных институтов развития.

Список источников

Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / Пер. с англ. В. Николаева. М.: Кучково поле, 2016. 416 с.

Бардин А. Л., Сигаев М. И. Дискурсы развития: социально-гуманитарный аспект // Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН. 2019. № 4. С. 24–41. <https://doi.org/10.20542/afij-2019-4-24-41>. EDN: CDMZDH.

Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / Пер. с англ. Е. Д. Руткевич. М.: Медиум, 1995. 323 с.

Бурдые П. Социология политики / Пер. с фр. Е. Д. Вознесенской и др. М.: Socio-Logos, 1993. 336 с. EDN: QYBTPF.

Красин Ю. А. Социальное неравенство в политическом измерении // Свободная мысль. 2006. № 2. С. 32–45. EDN: SWJMPX.

Левченко Д. О., Филиппов Д. Е. Социально-психологическое благополучие как фактор актуализации гражданской солидарности локальных сообществ // Южно-российский журнал социальных наук. 2024. Т. 25, № 1. С. 66–79. <https://doi.org/10.31429/26190567-25-1-66-79>. EDN: SNZMRC.

Мирошниченко И. В. Нематериальные ресурсы развития // Идентичность: личность, общество, политика. Новые контуры исследовательского поля / Отв. ред. И. С. Семененко. М.: Весь Мир, 2023. С. 57–66. EDN: PGJLQF.

Мирошниченко И. В., Морозова Е. В. Сетевая публичная политика: контуры предметного поля // Полис. Политические исследования. 2017. № 2. С. 82–102. <https://doi.org/10.17976/jpps/2017.02.06>. EDN: YJEEEXF.

Мирошниченко И. В., Морозова Е. В., Русия Н. Т. Нематериальные ресурсы в политике развития сельских территорий: пирамида возможностей // Полис. Политические исследования. 2025. № 1. С. 101–117. <https://doi.org/10.17976/jpps/2025.01.08>. EDN: OJLKNL.

Никовская Л. И. Глава 2. Гражданская идентичность: проблема консолидации российского общества (социологический аспект) // Гражданская идентичность россиян: современный политический концепт / под науч. ред. О. А. Коряковцевой. Ярославль: РИО ЯГПУ, 2022. С. 28–40. <https://doi.org/10.20323/978-5-00089-582-5-2022-28-40>. EDN: WGAPAE.

Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / Пер. с англ. А. Н. Нестеренко. М.: Начала, 1997. 180 с. EDN: YQDVYE.

Семененко И. С. Горизонты ответственного развития: от научного дискурса к политическому управлению // Полис. Политические исследования. 2019. № 3. С. 7–26. <https://doi.org/10.17976/jpps/2019.03.02>. EDN: WCZPDF.

Семененко И. С. Гражданская солидарность и самоорганизация против коронавируса // Офиц. сайт ИМЭМО РАН. 2020. 15 мая. URL: <https://www.imemo.ru/special-rubrics/coronavirus-pandemic/text/grazhdanskaya-solidarnosty-i-samoorganizatsiya-protiv-koronavirusa> (дата обращения: 10.04.2025).

Сердюков Б. В. Гражданская солидарность в условиях пандемии COVID-19 // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2022. Т. 15, № 4. С. 340–365. <https://doi.org/10.21638/spbu12.2022.403>. EDN: UJVYLM.

Сердюков Б. В. Гражданская солидарность в сфере общественной безопасности // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2018. Т. 11, № 2. С. 172–189. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu12.2018.203>. EDN: ХТКWRE.

Сморгунов Л. В. Трансверсальность сетевых коммуникаций и выбор стратегии поведения: концептуальное измерение // Вестник российского университета дружбы народов. Серия: политология. 2025. Т. 27, № 3. С. 417–429. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2025-27-3-417-429>. EDN: JFKCLB.

Тилли Ч. От мобилизации к революции / Пер. с англ. Д. Карасева. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. 432 с.

Уханова Ю. В. Коллективные практики и потенциал гражданского участия локального сообщества (социологическое исследование в российских регионах) // Проблемы развития территории. 2021. Т. 25, № 1. С. 88–107. <https://doi.org/10.15838/ptd.2021.1.111.5>. EDN: OORHTG.

Якобсон Л. И. «Школа демократии»: формирование «гражданских добродетелей» // Общественные науки и современность. 2014. № 1. С. 93–106. EDN: RZUCPP.

Ahmad R., Nawaz M. R., Ishaq M. I. et al. Social exchange theory: Systematic review and future directions // *Frontiers in Psychology*. 2023. Vol. 13. Art. № 1015921. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2022.1015921>. EDN: UPGBPJ.

Erices-Ocampo P., Lubbers M. J., Adams J. Toward a unified conceptualization of social capital // *Annual Review of Sociology*. 2025. Vol. 51. P. 171–190. <https://doi.org/10.1146/annurev-soc-090924-032037>. EDN: LRFCQV.

Fukuyama F. The future of platform power: Solving for a moving target // *Journal of Democracy*. 2021. Vol. 32, № 3. P. 173–177. <https://doi.org/10.1353/jod.2021.0044>. EDN: PXPCBZ.

Habermas J. A new structural transformation of the public sphere and deliberative politics. Cambridge, Hoboken: Polity Press, 2023. 128 p.

Portes A. Social capital: Its origins and applications in modern sociology // *Annual Review of Sociology*. 1998. Vol. 24. P. 1–24. <https://doi.org/10.1146/annurev.soc.24.1.1>. EDN: HEZDQJ.

Simon H. A. Administrative behavior. New York: The Free Press, 1997. 368 p.

Smith A. F. The deliberative impulse. Motivating discourse in divided societies. New York: Lexington Books, 2011. 190 p.

Tarrow S. The phantom at the opera: Social movements and institutional politics. New York: Cambridge University Press, 2022. 75 p. <https://doi.org/10.1017/9781009043731>.

The strains of commitment: The political sources of solidarity in diverse societies / Ed. by K. J. Banting, W. Kymlicka. Oxford: Oxford University Press, 2017. 452 p.

Transnational solidarity in times of crises. Citizen organisations and collective learning in Europe / Ed. by C. Lahusen, U. Zschache, M. Kousis. Cham: Palgrave Macmillan, 2021. 305 p. <https://doi.org/10.1007/978-3-030-49659-3>.

Информация об авторах

Н. Т. Русия – кандидат политических наук, доцент кафедры государственной политики и публичного управления ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет», 350040, Россия, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149

SPIN-код (РИНЦ): 5649-5217

AuthorID (РИНЦ): 864885

Web of Science ResearcherID: GXF-7234-2022

Д. О. Левченко – старший преподаватель кафедры государственной политики и публичного управления ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет», 350040, Россия, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149

SPIN-код (РИНЦ): 3032-8537

AuthorID (РИНЦ): 1122315

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 26.06.2025; одобрена после рецензирования 22.08.2025; принята к публикации 22.08.2025.

References

Anderson, B. (2016), *Voobrazhaemye soobshchestva. Razmyshleniya ob istokakh i rasprostraneni natsionalizma* [Imagined communities: Reflections on the origin and spread of nationalism], translated by Nikolaev, V., Kuchkovo pole, Moscow, Russia.

Bardin, A. L. and Sigachev, M. I. (2019), “Discourses of development: Social and humanitarian aspects”, *Analysis and Forecasting. IMEMO Journal*, no. 4, pp. 24–41, <https://doi.org/10.20542/afij-2019-4-24-41>, EDN: CDMZDH.

Berger, P. and Luckmann, T. (1995), *Sotsial'noe konstruirovaniye real'nosti. Traktat po sotsiologii znaniya* [The social construction of reality: A treatise in the sociology of knowledge], translated by Rutkevich, E. D., Medium, Moscow, Russia.

Bourdieu, P. (1993), *Sotsiologiya politiki* [Sociologie de l'Algérie], translated by Voznesenskaya, E. D., Socio-Logos, Moscow, Russia, EDN: QYBTPF.

Krasin, Yu. A. (2006), “Social inequality in political dimension”, *Svobodnaya mysl'*, no. 2, pp. 32–45, EDN: SWJMPX.

Levchenko, D. O. and Filippov, D. Ye. (2024), “Socio-psychological well-being as a factor in actualizing civic solidarity of local communities”, *South-Russian Journal*

of Social Sciences, vol. 25, no. 1, pp. 66–79, <https://doi.org/10.31429/26190567-25-1-66-79>, EDN: SNZMRC.

Miroshnichenko, I. V. (2023), “Intangible resources of development”, in Semenenko, I. S. (ed.), *Identichnost': lichnost', obshchestvo, politika. Novye kontury issledovatel'skogo polya* [Identity: The individual, society, and politics. New outlines of the research field], Ves' Mir, Moscow, Russia, pp. 57–66, EDN: OJLKNL.

Miroshnichenko, I. V. and Morozova, E. V. (2017), “Network public policy: Outlines of subject field”, *Polis. Political Studies*, no. 2, pp. 82–102, <https://doi.org/10.17976/jpps/2017.02.06>, EDN: YJEEFX.

Miroshnichenko, I. V., Morozova, E. V. and Rusiya, N. T. (2025), “Intangible resources of rural development policy: Pyramid of opportunities”, *Polis. Political Studies*, no. 1, pp. 101–117, <https://doi.org/10.17976/jpps/2025.01.08>, EDN: OJLKNL.

Nikovskaya, L. I. (2022), “Civil identity: the problem of consolidation of Russian society (sociological aspect)”, in Koryakovtseva, O. A. (ed.), *Civil identity of Russians: A modern political concept*, P. G. Demidov Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia, pp. 28–40, <https://doi.org/10.20323/978-5-00089-582-5-2022-28-40>, EDN: WGAPAE.

North, D. (1997), *Instituty, institutsional'nye izmeneniya i funktsionirovanie ekonomiki* [Institutions, institutional change and economic performance], translated by Nesterenko, A. N., Nachala, Moscow, Russia, EDN: YQDVYE.

Semenenko, I. S. (2019), “Horizons of responsible development: From discourse to governance”, *Polis. Political Studies*, no. 3, pp. 7–26, <https://doi.org/10.17976/jpps/2019.03.022019>, EDN: WCZPDF.

Semenenko, I. S. (2020), “Civic solidarity and self-organization against coronavirus” [Online], available at: <https://www.imemo.ru/special-rubrics/coronavirus-pandemic/text/grazhdanskaya-solidarnosty-i-samoorganizatsiya-protiv-koronavirusa> (Accessed Apr. 10, 2025).

Serdyukov, B. V. (2022), “Civic solidarity in the context of the COVID-19 pandemic”, *Vestnik of Saint Petersburg University. Sociology*, vol. 15, no. 4, pp. 340–365, <https://doi.org/10.21638/spbu12.2022.403>, EDN: UJVYLM.

Serdyukov, B. V. (2018), “Civil solidarity in the sphere of public security”, *Vestnik of Saint Petersburg University. Sociology*, vol. 11, no. 2, pp. 172–189, <https://doi.org/10.21638/11701/spbu12.2018.203>, EDN: XTKWRF.

Smorgunov, L. V. (2025), “Transversality of network communications and choice of behavior strategy: Conceptual dimension”, *RUDN Journal of Political Science*, vol. 27, no. 3, pp. 417–429, <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2025-27-3-417-429>, EDN: JFKCLB.

Tilly, C. (2019), *Ot mobilizatsii k revolyutsii* [From mobilization to revolution], translated by Karasev, D., HSE Press, Moscow, Russia.

Ukhanova, Yu. V. (2021), “Collective practices and potential for civic participation of local community (sociological research in Russian regions)”, *Problems of Territory Development*, vol. 25, no. 1, pp. 88–107, <https://doi.org/10.15838/ptd.2021.1.111.5>, EDN: OORHTG.

Jakobson, L. (2014), “School of democracy”: Formation of “civic virtues”, *Social Sciences and Modernity*, no. 1, pp. 93–106, EDN: RZUCPP.

Ahmad, R., Nawaz, M. R., Ishaq, M. I. et al. (2023), “Social exchange theory: Systematic review and future directions”, *Frontiers in Psychology*, vol. 13, art. no. 1015921, <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2022.1015921>. EDN: UPGBPJ.

Erices-Ocampo, P., Lubbers, M. J. and Adams, J. (2025), "Toward a unified conceptualization of social capital", *Annual Review of Sociology*, vol. 51, pp. 171–190, <https://doi.org/10.1146/annurev-soc-090924-032037>, EDN: LRFCQV.

Fukuyama, F. (2021), "The future of platform power: Solving for a moving target", *Journal of Democracy*, vol. 32, no. 3, pp. 173–177, <https://doi.org/10.1353/jod.2021.0044>, EDN: PXPCBZ.

Habermas, J. (2023), *A new structural transformation of the public sphere and deliberative politics*, Polity Press, Cambridge, UK, Hoboken, NJ, US.

Portes, A. (1998), "Social capital: Its origins and applications in modern sociology", *Annual Review of Sociology*, vol. 24, pp. 1–24, <https://doi.org/10.1146/annurev.soc.24.1.1>, EDN: HEZDQJ.

Simon, H. A. (1997), *Administrative behavior*, The Free Press, New York, NY, US.

Smith, A. F. (2011), *The deliberative impulse. Motivating discourse in divided societies*, Lexington Books, New York, NY, US.

Tarrow, S. (2022), *The phantom at the opera: Social movements and institutional politics*, Cambridge University Press, New York, NY, US, <https://doi.org/10.1017/9781009043731>.

Banting, K. J. and Kymlicka, W. (eds.) (2017), *The strains of commitment: The political sources of solidarity in diverse societies*, Oxford University Press, Oxford, UK.

Lahusen, C., Zschache, U. and Kousis, M. (eds.) (2021), *Transnational solidarity in times of crises. Citizen organisations and collective learning in Europe*, Palgrave Macmillan, Cham, Switzerland.

Information about the authors

N. T. Rusiya - Candidate of Political Sciences, Associate Professor of the Department of Public Policy and Public Administration, Kuban State University, 149 Stavropolskaya Str., Krasnodar, 350040, Russia

SPIN code (RSCI): 5649-5217

AuthorID (RSCI): 864885

Web of Science ResearcherID: GXF-7234-2022

D. O. Levchenko - Senior Lecturer of the Department of Public Policy and Public Administration, Kuban State University, 149 Stavropolskaya Str., Krasnodar, 350040, Russia

SPIN code (RSCI): 3032-8537

AuthorID (RSCI): 1122315

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflicts of interest.

The article was submitted on 26.06.2025; approved after reviewing 22.08.2025; accepted for publication 22.08.2025.